

## Глава 9 : Слепая Погоня

### Текст Главы

‘... Странно.’

Так думал Обито, глядя на происходящее перед ним.

Он переехал в квартиру Минато и Кушины с тех пор, как его выписали из больницы, но, по сути, первый месяц жил один. Кушина необъяснимым образом оказалась в больнице (ну, он предположил, что причина была связана с Кьюби, но он еще не удостоверился в этом), в то время как Минато начал проводить все больше и больше времени вне дома. Обито все еще не был уверен, куда он делся, поскольку его внезапное отсутствие не произошло в прошлый раз, но ворон объяснил это своей короткой истерикой, случившейся месяц назад. Вполне возможно, что Минато пытался сделать так, чтобы Обито мог остаться Шиноби, так как психически неуравновешенным обычно отказывали в праве стать частью Силы—это представляло слишком много осложнений и рисков для совета, чтобы рисковать, особенно для черных овец клана Учиха. Вполне вероятно, что Минато занимался чем-то другим, но у Обито не было других идей на этот счет, поэтому он в конце концов отмахнулся от этого и продолжил свои обычные привычки.

Возможно, именно поэтому сцена перед ним казалась такой... странной. Это было не так уж и плохо, хотя, ни в коем случае, ни по форме, ни по форме. Нет, все было по-другому, что-то чуждое Обито, и это заставляло его чувствовать смесь жалости и отвращения к самому себе. Когда-то он был одиноким, жалким ребенком.

Кушина радостно напевала из соседней комнаты, когда шипение и запах еды донеслись до столовой, где сидели Обито и Минато, последний с чашкой свежесваренного кофе в одной руке и газетной статьей в другой. Это было так по-домашнему, так нормально, так ... ..

Очень похоже на семью .

Это оставило Обито с полным чувством, заставив его гипер осознать пустоту, о которой он не знал. Его команда была, конечно, его семьей, но этот ... Обито никогда не чувствовал этого. У него была своя команда, и они были очень похожи на братьев и сестер, но здесь, в этой среде, он чувствовал себя... как ребенок со своими родителями. Он даже не осознавал, что жаждал любви матери и отца, поскольку когда-то был убежден, что Рин стоит того, чтобы все разрушить, и что все, что ему нужно, - это его команда, чтобы снова быть счастливым.

"Очевидно, нет", - тихо подумал он, потягивая холодный апельсиновый сок. Единственное, чего ему действительно не хватало, так это ... Рин. Какаши. Остальная часть его команды должна была быть там, он не мог не думать, так как они были его семьей.

Наруто.

При этой мысли он слегка поморщился. В каком—то смысле-если он позволит своим осуждающим мыслям затащить себя в эту часть сознания-он отнимет у Наруто что-то ценное. Он занимал место мальчика, эту позицию "сына" семейной динамики. Эта мысль только вернула его первоначальные желания, его первоначальные мысли о путешествии во времени и о том, что он вернулся.

Ворон не был так подавлен и ... противен этой идее или ситуации, как когда-то, но это был общепринятый факт в его сознании, что он не был лучшим человеком, чтобы вернуться в прошлое по нескольким причинам. Во—первых, он был склонен цепляться за прошлое и заикливаться на незначительных темах-его нынешний ход мыслей был ярким примером. Во-вторых, тот факт, что он действительно не чувствовал, что заслужил шанс снова увидеть своих близких, не тогда, когда он был причиной их смерти. Особенно, когда Наруто был, возможно, самым достойный человек в отношении встречи с его родителями, людьми, с которыми он никогда не встречался по-настоящему благодаря Обито. В-третьих, он не был почитаемым ребенком пророчества, и просто и ясно не следует пытаться вмешиваться в то, что истолковывается как "судьба".- Он не был маленьким солнечным шариком, Наруто, который мог заставить даже самых коррумпированных людей начать новую жизнь. ... Не каламбур.

Его нынешнее положение в сочетании с его проклятыми мыслями не особенно помогло, честно говоря. Он не мог не чувствовать, что это был Наруто, который должен был быть здесь, есть со своими родителями, болтать о ерунде, когда он действительно узнал великих людей, которые привели его в мир—

- Обито? Ворон моргнул, слегка сбитый с толку, и обратил внимание на Минато и Кушину. Он посмотрел на своего сэнсэя, глаза которого горели любопытством и весельем. - Я знаю, что приготовила апельсиновый сок, но на вкус он не такой уж странный, правда?"

Чувствуя себя странно встревоженным, Учиха слегка сплюнул, прежде чем покачать головой в твердом отрицании. —Чт ... Нет, это не так, я просто ... .."

Минато рассмеялся, когда на лице его Кушины появилась дразнящая улыбка. - Ты уверен в этом? У тебя был запор, ттэбаё."

Обито застонал, чувствуя, как незнакомое чувство смущения заставляет его щеки потемнеть. Ради Кэми, он мог легко вести себя как Тоби! Тоби!

Видимо, решив, что они достаточно подшутили над мальчиком, Кушина с усмешкой подвинула тарелку с едой Обито. - Хорошо, хорошо, мы перестанем дразнить тебя. Она откинулась на спинку сиденья и гордо фыркнула. - Пора есть! Я приложил к этому дополнительные усилия, так как это первый раз, когда Обито здесь с нами, поэтому я уверен, что вам понравится!"

Ворон посмотрел на свою довольно щедрую помощь и бессознательно провел рукой по губам, опасаясь, что слюни могут появиться. Тост, намазанный маслом и джемом, свежеприготовленный. Пушистый омлет посыпать солью и перцем, в сопровождении бекона, нарезанные сосиски и ассортимент нарезанных фруктов.(П.п Автор сука я жрать захотел) Это

отличалось от того, к чему он привык, так как в приюте ему всегда подавали редкие порции мисо с рисом и солеными огурцами, и в конечном итоге он ограничился просто рисом, когда получил свой собственный дом. Однако запах был невероятно дразнящий, так что с абсолютным отсутствием трепета он взял вилку и нырнул в еду.

Это было действительно странно, решил он. Он всегда чувствовал себя так непринужденно с рыжеволосой и блондином, хотя до сих пор не замечал этого. В его приветствии всегда был намек на то, что его заставляли, надумывали, когда он отсутствовал, но быть со своей командой или двумя перед ним... он всегда расслаблялся. Его слова текли более гладко, он чувствовал себя гораздо более непринужденно, чем обычно, и он действительно мог повеселиться .

- Вот что значит иметь семью, - понял он, одновременно ностальгируя и удивляясь своему маленькому откровению. Он всегда приносил в свою команду идею о семье, не веря в то, что она одна, но искренне желая этого. Оказалось, что барьеры, которые он когда-то воздвигал, все-таки не нужны: его семья всегда была рядом.

Может быть, на этот раз он мог бы быть своего рода братом Наруто? Он не был достаточно молод, чтобы быть сыном Минато и Кушины (не говоря уже о разнице в ментальном возрасте), но это не означало, что у него не было уважения к этим двум, и он действительно рассматривал Минато как образец для подражания в какой-то момент—почти отец. Он не стал бы посягать на их семью и был уверен, что Минато и Кушина, будучи сиротами, будут рады, если Обито станет для их ребенка чем-то вроде дяди или брата.

Ворон улыбнулся, обдумывая это. Раньше он думал неразумно; эта семья, Минато, Кушина и их сын, были одними из самых ярких и счастливых людей, которых он знал. Они не оттолкнули его, и Наруто никогда не подумает винить Обито за половину того, что он сам на себя вешал.

"Итак", - тихо подумал он, наблюдая, как Минато с удовольствием ест, слушая, как Кушина болтает на разные темы. Он не мог не представить себе маленького, одетого в оранжевое мальчика с золотистыми локонами, сидящего между ними. Позади него-недовольный Какаши и сияющая Рин. - Семья, да?"

Обито без особого удивления обнаружил, что идея ему нравится.

Седьмая группа направлялась в офис Хокаге, чтобы доложить о своем последнем завершении. День был ясный, ни облачка на голубом небе, и температура была приятной, сопровождаемой редким, освежающим весенним бризом. В деревне все было хорошо, мирные жители бродили вокруг, Шиноби стоял как всегда бдительные и преданные защитники деревни, некоторые в форме, некоторые вне ее. Это было мирно и очень похоже на Коноху.

Нижнее веко Какаши дернулось.

Да, это было очень похоже на Коноху, поэтому, несмотря на довольно приятную погоду и атмосферу в тот день, он не мог наслаждаться этим. Ну, в любом случае, он был не из тех, кто получает от этого удовольствие, но сегодня он был особенно неосведомлен обо всем, что окружало трио Чунина, и это потому, что его глаза были заняты выжиганием метафорической дыры на переносице его товарища по команде.

Некоторое время Обито молчал. Во время работы над перекраской стен квартиры, обычно шумной и безостановочной болтовни мальчика не существовало, и команда провела целых пять часов, не обменявшись ни единым словом.

Когда Обито был в больнице, Какаши понял, что ворон был тем, кто поддерживал разговор в их группе, тем, кто поддерживал оживление. После "события", и как только Обито присоединился к Какаши и Рин в D-рядах, он был более замкнутым, конечно, но у него все еще было какое-то подобие нормальности-оптимистичное отношение, которое он имел раньше, и манера, которую он не заткнулся.

Но Какаши не пропустил его. Нет, он был даже рад, что его товарищи по команде предпочли вести разговор поодаль... по крайней мере, так он думал пару недель назад. Но когда редкий разговор перешел в худшую сторону, воцарилась полная и полная тишина. Это начало его нервировать. По крайней мере, Рин все еще была нормальной, и то, что она попытается завязать разговор с ним и Обито, было достаточно, чтобы засвидетельствовать это. Иногда Какаши чувствовал себя неловко из-за того, что игнорировал ее и слегка кивал или смотрел в ее сторону, но иногда он даже не замечал. В какой-то момент он настолько сосредоточился на том факте, что Обито не делал того, что должен был делать, что, как это звучало в голове Какаши, было раздражающим идиотом, который ни перед чем не остановится, пытаясь превзойти всех и проявить себя.

Но он этого не сделал. Большую часть времени он молчал, задумчивый, как и его семья. Конечно, Какаши думал, что мальчик раздражает и раньше, и часто делал уколы тому факту, что Обито не был похож на его элитную семью. Но почему-то молчаливый, задумчивый Обито? Это заставило седовласого Чунина достичь уровня раздражения, который он раньше не считал возможным.

В какой-то момент Какаши начал пристально смотреть на Обито—так же, как и в тот момент—пытаясь молча выразить свое недовольство. Потому что, честно говоря, Какаши был не из тех, кто передает чувства через сочные слова; Шиноби должны были заглядывать под низ, должны были осознавать факты и приходить к выводам, основанным на мельчайших намеках. Поэтому он продолжал смотреть, что в конечном итоге превратилось в жаркий смертельный взгляд, и продолжал это делать все время, пока команда шла в офис Хокаге.

Обито не заметил.

Какаши внутренне зарычал—он не выражал своего недовольства внешне, он был обученным шиноби, и для него было глупо носить свое сердце на рукаве, как это делал его товарищ по команде—должен был делать—когда он изучал Учиху. Какая-то часть его совести говорила ему, что он ведет себя глупо, что было бы гораздо легче просто спросить Обито прямо, что

происходит. Это действительно было бы так, если бы Какаши рассмотрел ситуацию логически.

Дело в том, что Какаши не привык к тому, что Обито ведет себя так, как он вел себя в последнее время, и поэтому это сбивало его с толку. В этом он мог признаться.

Предполагалось, что молчаливым, задумчивым был Какаши, в то время как Обито становился раздраженным и шумным от этого факта, а Рин пыталась посредничать в любой борьбе, в которую обычно перерастали их разногласия. Но Обито в последнее время отсутствовал; бывали моменты, когда он был там, но на самом деле его там не было.

Кулаки Какаши сжались, когда он, наконец, отвел взгляд, вкладывая ненужную силу в каждый шаг.

В месяц. Прошел месяц, а Какаши так и не приблизился к истине. Подождите, нет, прошло больше месяца, а ответов все нет. По правде говоря, он не был очень любопытным человеком и был бы вполне доволен проигнорировать внезапную перемену Обито, если бы она не была столь радикальной.

Однако, хотя это может быть эгоистично, внезапное изменение поведения Обито разрушило динамику их команды в глазах седовласого мальчика-Это разрушило иллюзию счастья и содержания Какаши.

... Нет, это было не совсем то выражение. Какаши не мог сказать, что он был счастлив, хотя он был доволен оставить все как есть. На самом деле он был в относительной безопасности из-за опасного положения, в которое поставил себя в качестве члена седьмой команды, и у него не было желания его менять.

Изменение Обито заставило Какаши вспомнить времена, которые он не хотел вспоминать. Но не так, как обычно; он в основном смирился с тем фактом, что Обито, по-видимому, пытался покончить с собой, и это обнаружило опасно нестабильные воспоминания для Какаши. Было просто похоронить эти мысли, как это делал много раз седовласый мальчик, так что это уже не было серьезной проблемой.

Нет, проблема была в другом, не в прошлом, а в настоящем. Раньше, хотя Какаши всегда уважал Минато, терпел Рин и мог более или менее игнорировать Обито, чтобы сохранить мир, большинство из них все еще были довольно обособленными отношениями, которые он построил со своей командой. Он не желал создавать более прочные отношения, и это его устраивало; все, что ему действительно было нужно, это он сам, а Минато и Кушина были... Ну, он и раньше называл их дружескими знакомыми.

Однако Обито, потеряв свою "раздражающую" личность, бросил ключ в этот план и уничтожил тщательно созданный барьер Какаши для своей команды. Он больше не мог просто игнорировать мальчика, не мог игнорировать Рин и не мог оттолкнуть Минато и Кушину. Дело в том, что Какаши... заботился. Он действительно заботился о них, и это было фактом, который он пытался закрыть и оставить в неведении.

Покачивая головой, он отогнал от себя мысли и эмоции, чтобы потом все обдумать. Он не был полностью готов противостоять фактам своих чувств, не тогда, когда увеличение конфликтов вдоль границы указывало на потенциальное начало войны. Война. Война означала потерю, и Какаши не был уверен, что сможет принять ее, если снова откроет свое сердце, только чтобы потерять все. Снова.

Изменения Обито имели для них логическую причину, в этом Какаши был уверен. Он просто не был уверен, что это за причина, и как бы он ни предпочитал продолжать игнорировать ее, он не мог этого сделать. Все, что он мог сказать наверняка, это то, что эта перемена в его товарищах по команде оставила его недовольным, и он чувствовал, как будто он хватался за знакомство, обычный образец и рутину, которую он тщательно создал в свои годы как Шиноби. Внезапное изменение Обито вызвало тревогу в сознании Какаши, многие больше, чем один или два. Возможно, это было любопытство, несмотря на его обычное отсутствие, хотя он сильно сомневался, что что-то настолько лишнее так повлияет на него. Возможно, именно его обостренные чувства определили мельчайшие детали, тот факт, что Обито, казалось, что-то скрывал, и только это было подозрительно. Возможно, его охватило даже чувство тревоги—то ли из—за собственной стабильности, то ли из-за команды, то ли из-за самого Обито, он не был в этом уверен.

Несмотря на это, хотя Какаши не был врожденно любопытным человеком, были времена, когда он нуждался в информации. Во времена, подобные этому, это был простой процесс по умолчанию в его “режиме миссии”, который обычно шел по линии закрытия его эмоций и подготовки к получению как можно большего количества информации с помощью любых необходимых средств.

Его мысли тут же вернулись к разговору с молодым командиром Джонином.

Он искал Минато, а вместо этого нашел Шикаку и быстро поприветствовал его, прежде чем спросить о местонахождении Минато. Командир ответил своим обычным ленивым протяжным голосом, сказав, что Минато все еще занимается исследованиями. Какаши, конечно же, поинтересовался, что именно исследует Минато (и почувствовал легкий ужас при мысли о том, что “исследование” его сенсея может быть исполнением собственного “исследования” Джирайи), на что Шикаку ответил просто.

- Он все еще исследует Кагую.”

Затем он щелкнул.

В этот момент Какаши вспомнил, что “Кагуя” - это имя, которое они с Минато забыли, имя, которое Обито выкрикивал в больнице.

Седовласый Чунин слегка нахмурился, когда его мысли отклонились от товарища по команде и сэнсэя, вместо этого остановившись на этом новом кусочке информации. Была ли эта “Кагуя” угрозой для Конохи? Встреча Обито с этим человеком показала, что Кагуя был по крайней мере опасным, если не прямым врагом их деревни. Насколько силен был этот человек? К

сожалению, Какаши не мог судить об этом Кагуя. способность или сила, оценивая своего товарища по команде, потому что, хотя Обито считался слабее его раньше, Какаши больше не мог читать мальчика. Все, что он знал наверняка, это то, что Обито что-то скрывал, и это нервировало Какаши, что он вообще не мог прочитать своего товарища по команде. Он не был уверен, было ли то, что скрывал Обито, только правдой, стоящей за случившимся месяц назад, или его подозрительное чувство по поводу того, что Обито сильнее, чем он показывал, было больше, чем просто подозрением. Даже их спарринг в день рождения Обито был намного больше, чем ожидал Какаши; никогда если бы Ворон не отставал от него в матче с Тайдзюцу. Черт возьми, раньше он не мог идти в ногу с Какаши ни в чем, особенно до такой степени, что сказал, что мальчик упал без сознания из-за простого лонжерона с Ворон.

Прищурившись, Какаши снова обратил внимание на источник внутреннего смутения и разочарования—своего товарища по команде. Не было смысла больше обходить этот вопрос стороной, и лучше всего было прямо с ним столкнуться.

Он собирался получить ответы.

Обито знал, что он получал некоторые странные взгляды (и взгляды, в случае Какаши) на протяжении всего D-ранга, который их команда только что завершила. Взгляды и взгляды не сходили с его лица даже по дороге в офис Хокаге, и как только они ушли, Ворон приготовился к тому, что, как он знал, должно было произойти.

Он знал, что в этой опасной ситуации виноват в основном он, но, честно говоря, ничего не мог с собой поделать.

Для него уже не было естественным вести себя глупо и беззаботно, если только он не пытался действовать как "Тоби", но даже эта персона была немного... много для мальчика, известного как Учиха Обито. Нет, после долгих лет тренировок и затаившись в тени, его "дефолт" должен был оставаться тихим и незаметным, едва заметным. Тот факт, что его разум блуждал, не помог, так как без сознательного усилия казаться нормальным как Обито по стандартам его команды, он автоматически вернулся к своему условному рефлексу—ко всем, кроме слияния с тенями.

Это была серьезная ошибка с его стороны, но в каком-то смысле он не мог заставить себя беспокоиться. Да, он заботился о Какаши и Рин, но в данный момент они были в безопасности. Подозрения двух Чунинов были ничтожны перед лицом возможности ухудшения здоровья Кушины из—за его присутствия-и любых изменений, которые он произвел на стабильность времени. В каком-то смысле это было уместно; он, Учиха Обито, возможно, единственный Учиха с его точным напряжением Мангеке, где он мог контролировать пространство, теперь убирал время как будто стригут траву. Он бы расхохотался, если бы в данный момент не был скован раздраженным и подозрительным взглядом Какаши.

- Что происходит, Обито?"

Так оно и начинается.

Ворон неопределенно пожал плечами и небрежно сунул руки в карманы. - Что ты имеешь в виду, Какаши? Я думаю, что мы уже говорили об этом раньше, нет ничего—“

- Это чушь собачья, и ты это знаешь, - невозмутимо произнес Какаши в знакомой манере. —В последнее время ты стал совсем другой, всегда зеваешь, не обращаешь внимания, хотя и не в своей обычной манере. Ты был ... задумчив . На самом деле, теперь, когда я думаю об этом, ты был таким с тех пор, как, черт возьми, это случилось месяц назад!”

Обито моргнул, несколько удивленный тем, сколько слов только что произнес Какаши.

- Обито, пожалуйста, - он повернулся к Рин, которая выглядела нехарактерно подавленной. - Мы... мы просто хотим помочь. Ты говорил нам доверять тебе раньше, а теперь...-она посмотрела на него виновато-слезящимися глазами. - Пожалуйста, доверьтесь нам.”

Ворон посмотрел между двумя своими товарищами по команде, один из которых был странно обеспокоен (что было совершенно не в его характере, оставив обито в шоке), а другой использовал слезливую мольбу, которая должна быть незаконной . Он тихо застонал, прежде чем рассмеяться. - ...Это несправедливо, ребята. Двое против одного? Я называю фол.”

- Речь идет о Кагуе, не так ли?”

Обито вытянулся по стойке "смирно" и повернулся к Какаши, его спокойная поза тут же исчезла. Два других члена седьмой команды слегка отшатнулись, не ожидая, что Обито так внезапно отреагирует на это имя.

Через несколько мгновений обито мог поклясться, что увидел улыбку под маской седовласого Чунина. - Так оно и есть.”

- ...Где?- Спросил Обито низким командным голосом. Он проигнорировал широко раскрытые глаза своих товарищей по команде. - Где ты слышал это имя?”

— Почему это Мэтт ... - Какаши замолчал.

- Где? Обито почувствовал гнев и разочарование. Что случилось? Неужели ситуация уже вышла из-под его контроля? Когда именно он начал терять контроль над собой? Что , если—ками запрети-Кагуя действительно вернется в прошлое вместе с ним? Может быть, так будет лучше, это будет означать, что она не будет терроризировать Наруто а все остальные-нет. Дело было не в этом. Как псевдо Бог был связан со всем этим? Глаза обито расширились от ужаса. - ...Что, если она причина Кушины-Нисан... - это была ужасная мысль. Его разум думал о многих, многих возможных теориях, возможных результатах, и ни одна из них ему не нравилась .

- ...Обито, - его голова резко повернулась к Рин, которая широко раскрыла глаза и ... это был страх? - О-обито, пожалуйста. Деактивируйте Ш-Шаринган.”

Как будто обжегшись, Обито отшатнулся, обеспокоенно глядя на своих товарищей по команде. Какаши был напряжен, явно готов нанести удар, если что-то случится, и Рин была в обороне. Он чувствовал легкое жужжание чакры за глазами, заставляющее их гореть. Он закрыл их, сделав несколько глубоких, успокаивающих вдохов, и когда позволил глазам снова открыться, они снова стали ониксового цвета. Он опять поскользнулся. Похоже, тренировка эмоций была в порядке вещей, если его коленные рефлексy заставляли его активировать Шаринган в такой момент.

- Прости... прости за это, - тихо сказал он, вздохнув. Он повернулся к Какаши, суровый взгляд был на месте. - Пожалуйста, Какаши, скажи мне, где ты слышал это имя. Мне нужно знать."

Плечи Хатаке слегка расслабились, и он несколько мгновений смотрел на Обито, принимая решение. - ...Минато-сенсей искал любую информацию об этом "Кагуя", какую мог. Я слышал об этом от Нара-сама."

Обито тихо выругался. - Но откуда Минато-сенсей узнал об этом??- Его тон был отчаянным и в полной мере выражал беспокойство " —

- От тебя, - быстро ответила Рин. Она вздрогнула от пристального взгляда Учихи, прежде чем он снова взял себя в руки. - ...Ты не помнишь? В больнице, после того как вас забрали, вы ... вы кричали, что все это гендзюцу, и упоминали " Кагуя'...."

Обито уставился на него. Просто смотрел .

Затем он вздохнул, отгоняя от себя смущение и раздражение (это он тогда был не в себе?) когда он устало посмотрел на ожидающие взгляды, его друзья выстрелили в него. "... Огорченный. Я не могу тебе сказать." Это заставило его чувствовать себя... нужным, чувствовать себя нужным и ценить, что его товарищи по команде, казалось, так сильно беспокоились за него. Он чувствовал себя в безопасности из—за отсутствия более описательного слова, и он действительно чувствовал себя немного виноватым в том, что не мог сказать им-не так много, как секреты, которые он держал для них . Он не мог им сказать.

Какаши и Рин выглядели так, будто собирались протестовать, но Обито поднял руку и сузил глаза, эффективно останавливая их. - Я пока не могу сказать вам, ребята, но обещаю, что в конце концов расскажу. Когда я буду готов сказать правду, и когда вы, ребята, будете готовы ее услышать.- Он ненадолго замолчал, прежде чем обнять их обоих в неловком объятии. Какаши напрягся, как и Рин, прежде чем тот расслабился в трюме. Обито закрыл глаза. - Я не могу сказать вам, ребята, но ... просто знаю, что вы много для меня значите. Много, много."

Рин хихикнула в ответ, и Какаши, как ни удивительно, неловко похлопал Обито и Рин по спине, издав пренебрежительное ворчание.

К гневу мальчика и удивлению Обито и Рин, в его ушах загорелся красный оттенок, соперничающий с малиновыми локонами Кушины.

В тот вечер, когда Кушина занималась приготовлением ужина на кухне,

Обито решил, что ему следует спросить, что именно выяснил его сэнсэй. Учиха мысленно ругал себя; конечно, он был не в духе и запаниковал, но его годы обучения должны были дать толчок. Большую часть времени, даже находясь в истерическом состоянии, он, естественно, умалчивал об определенной информации-о местоположении, технике, именах.- и все же он совершил ужасную ошибку в первый же день своего пребывания в прошлом. Он предположил, что, возможно, вел себя слишком сурово по отношению к себе, поскольку, честно говоря, в то время он был более чем убежден, что все это было просто тщательно продуманным гендзюцу. Последнее, о чем он беспокоился, это о разглашении информации, особенно когда в игру вступала мысль об иллюзии, принимающей формы прошлых близких. Его глаза незаметно скользнули к Минато, который в данный момент работал над новой формулой Фуиндзюцу, совершенно не подозревая о внутренней суматохе своего ученика и постоянно растущем беспокойстве.

- ...Минато-сенсей, - наконец начал Обито, заставив Джонина остановиться и вопросительно посмотреть на него. - У меня... вопрос."

Блондин осторожно положил щетку на сложенную салфетку и снова повернулся к Обито с легкой улыбкой. - Что это, Обито?"

Обито сглотнул, прежде чем обратить жесткий взгляд на своего сенсея. - Что ты узнал о Каге?"

Если бы он не искал ее, то не заметил бы, как улыбка Минато слегка дрогнула, и не заметил бы, как дернулась рука мужчины. Пока он стоял, блондинка с поразительной легкостью продолжала натянуто улыбаться. Он пожал плечами. "Не многое. Почему ты спрашиваешь?"

- Потому что это опасно. Потому что ты почти ничего не знаешь о том, что происходит. Потому что вы не должны пытаться идти против истинного Бога ! Обито прикусил язык, стараясь держать свои слова при себе. Это дало бы его сенсею широкие возможности указать на дыры в и без того нестабильной истории обито, и он пока не мог сказать правду. Он слишком долго не отвечал, потому что Минато продолжал:

- Обито, - позвал он, заставив путешественника во времени снова взглянуть на блондинку. Улыбка Минато исчезла, сменившись смертельно серьезным взглядом—в этих глазах, однако, было беспокойство, а в остальном гнетущий вид немного ослаб. "Радовать. Мне нужно знать, что случилось, чтобы помочь тебе, чтобы что-то сделать... - его голос упал ниже шепота. - ...О Каге."

Обито нахмурился, автоматически переходя в свой истинный возраст. - Нет .- Он не хотел, чтобы его детская маска так сильно сползла, но, очевидно, так оно и было, если судить по широко раскрытым глазам и отвисшей челюсти Минато.

Ему было все равно.

Не тогда, когда речь идет о возможной смерти его близких, нет. Ему было все равно.

Однако Учиха Обито понял, что попал в ловушку. Он больше не мог сказать, что пережитое было сном, потому что Минато уже подозревал, что это Гэндзюцу-с откровением, что он действительно кричал. Это оказавшись в больнице, он понял, что история его "мечты" была полна еще большего количества дыр, чем он сначала думал, и больше не могла быть его выходом, и, честно говоря, он был потрясен тем, что человек не просто столкнулся с ним в этом вопросе раньше. Оно красноречиво говорило о скрытом доверии Минато к нему, хотя, возможно, и неуместном. Конечно, Обито не мог продолжать теорию о том, что его страдания происходят из-за гендзюцу, потому что тогда это приведет к вопросам о том, кто именно это навело на него гендзюцу (опять же, подозреваемого в том, что он Кагуя), и почему Обито не считал нужным сообщить предельную правду с самого начала. Он не мог сказать, что ему угрожали сохранить это в тайне, потому что это вызовет ненужную тревогу, а ресурсы Конохи были уже растянуты из-за надвигающейся угрозы войны.

Точные причины его скрытности на самом деле были довольно просты, хотя он не мог сказать им так много, потому что это вызвало бы вопросы о том, как он узнал такую информацию. Хотя он знал, что белые Зецу еще не используются, как это было в будущем (он смутно помнил, как Мадара сказала ему, что они все еще находятся на экспериментальной стадии, и Обито не чувствовал грубого знакомого присутствия нигде в Конохе), и черный Зецу еще не был "создан", как таковой, не появится в ближайшее время. Однако он все еще должен был беспокоиться о Данзо и Орочимару, и Обито не мог рисковать, вовлекая свою команду в то, что они только ускорили свою смерть. Обито пришлось иметь дело хотя бы с одним из основных угроз, прежде чем рассказать своей команде, чтобы в конечном итоге контроль над повреждениями был более управляемым. Он не был богом, и хотя его Камуи мог дать ему истинное всемогущество, был только один человек, который мог сделать против высокого Дзенина для Шиноби уровня Каге, все еще играя защитника для своих близких.

Он внутренне вздохнул. После стольких лет борьбы с одиночеством было невообразимо трудно превратить "командную работу" в его закаленную рутину, в укоренившиеся привычки. Было достаточно легко заново адаптироваться к товарищам по команде, так как они вполне могли быть его семьей, и их текущие задачи были жалкими D-рядами без надвигающейся угрозы для их жизней. Как только война наконец началась, Обито понял, что у него будут неприятности.

- ...У меня есть причины скрывать информацию от всех вас, - осторожно заявил он, начиная чувствовать уколы нервозности, когда Минато продолжал пристально смотреть на ворона. Обито откинулся на спинку стула, бездумно постукивая пальцем по столу. - И их много, и они имеют различное значение. В конце концов, я раскрою правду, я просто прошу, чтобы ты... команда номер семь доверяла мне."

Обито ждал, неловко переминаясь под пристальным взглядом своего сенсея, ожидая ответа. Его беспокоило, что, возможно, его поведение и поведение проложили дорогу совершенно иной мысли—предательству. Шпион. Сначала он не думал об этом, но, учитывая их профессию, он был удивлен, что это не было одним из первых подозрений, которые он поднимал. Редко случалось, чтобы ад поднимался, пока подозрения оставались безмолвными. Несколько мгновений он смотрел прямо в глаза Минато, прежде чем тот наконец кивнул, к удивлению Обито.

- ...Понимаю.”

Глаза Учихи расширились, челюсть отвисла. Он ожидал многого; его сэнсэй требовал, чтобы он сказал правду сейчас, когда его спрашивали хотя бы о каких-то фактах или посылали в отдел t&I - последнее было одной из его менее оптимистичных мыслей. - Т... ты не будешь спрашивать.—“

“Нет. Минато покачал головой. —Ты сам сказал, что расскажешь нам—всем нам, когда придет время. Пока вы не забудете эти слова, я не вижу причин настаивать. Он слегка улыбнулся и откинулся на спинку стула. - В конце концов, ты никогда не нарушаешь своего слова. Разве не так?”

Обито недоверчиво уставился на блондинку, потом кивнул с улыбкой. - Спасибо, Минато-сенсей.”

—Конечно, - коротко улыбнулся в ответ мужчина, прежде чем его лицо стало смертельно серьезным-переход был настолько внезапным, что обито почувствовал, как его спина автоматически выпрямилась. - Это не значит, что я не беспокоюсь, Обито. Единственная причина, по которой я не вижу необходимости настаивать на этом, это то, что ты больше не кажешься обеспокоенным ситуацией, и... я доверяю тебе.”

Его взгляд слегка ожесточился, глаза вспыхнули с такой силой, которую Обито видел только в ту ночь, когда он сражался с человеком как Мадара. - Пойми, однако, что если этот Кагуя появится снова, я потребую ответов—не только как твой джонин сенсей, но и как Джонин Конохи. Неожиданно ворон почувствовал, как по его спине пробежал холодок. - Если моей деревне будет угрожать опасность, я буду ждать от вас полного сотрудничества .”

Угроза была, Обито чувствовал это. Сам того не желая, он тепло улыбнулся сэнсэю в ответ—это была определенная степень гордости, что этот человек, такой преданный тем, кого он любил, и все же такой сильный, что обычно принимал трудные решения на месте. Некоторые могут счесть его бессердечным и черствым; Обито, человек с более чем тридцатилетним жизненным опытом, знал, что то, что было у этого человека до него, стоило только высочайшего уважения . И Обито, несмотря на то, что он был на восемь лет старше, не имел ничего, кроме уважение и обожание к человеку, Желтой вспышке, человеку, который станет Йондайме Хокаге. Именно с некоторой долей гордости Обито осознал истину, стоящую за словами сэнсэя, что Минато считал Обито достаточно сильным и понимающим, чтобы не рухнуть под тяжестью угрозы, чтобы противостоять собственным идеалам-относиться к нему как к почти равному, несмотря на то, что он его ученик.

Наконец, Учиха кивнул, и в его глазах отразились понимание и преданность стоявшему перед ним человеку. Человек, который был одним из двух, ради которых обито охотно пожертвовал бы жизнью, если бы это означало их счастье.

-Конечно, Минато-сенсей, - легко ответил ворон с растущей улыбкой. - И я тоже тебе доверяю.”

Утром, вскоре после небольшой стычки, Обито наконец решил, что с него хватит ожидания.

Это было обычное утро в сочетании с обычным чувством безопасности и счастья, которое сопровождало завтрак с Минато и Кушиной. В разгар всего этого, однако, Кушина рухнула на землю, обливаясь холодным потом и дрожа. Она взглянула на Минато, который только кивнул, прежде чем поднять ее и осторожно уложить на диван. Они обменялись несколькими словами, прежде чем он исчез во вспышке желтого—Хирайшин, возможно, чтобы предупредить Хокаге, отправить сообщение, что-то .

Человек оставил Обито и Кушину наедине, и запреты ворона тут же исчезли. Ему нужно было что-то предпринять, особенно если это было связано с его присутствием.

- ...Кушина-Нии-сан, - он осторожно встал на колени рядом с ней, и она слегка повернула голову, ее глаза расфокусировались и расширились. - Кушина-Нисан, что случилось? Ты меня слышишь?"

Кушина кивнула и неуверенно улыбнулась. "Да. Я в порядке, Обито. Минато просто нужно было купить лекарства для ... - Она замолчала. - ...От болей в животе."

Убедившись, что она его слышит, он продолжил: - Мне нужно, чтобы ты сказал мне, как давно это происходит. Кушина вопросительно посмотрела на него, и он накрыл ее руку своей. - Кушина-Нии-сан, пожалуйста . Скажи мне, как давно это происходит."

Рыжий по-совиному моргнул. - ГМ... уже почти два месяца? .. "

Обито мысленно выругался. Два месяца. Это было определенно примерно в то время, когда он вернулся в прошлое. Покачивая головой, он отодвинул эту мысль в сторону, решив, что ему нужно больше информации. - Скажи мне правду, Кушина-Нисан. Скажи мне, что происходит, что именно происходит."

Она слегка напряглась, когда ее улыбка дрогнула. - Как я уже сказал, Это просто боли в животе, обито. Ничего особенного.—"

- Я знаю, что ты джинчурики Кьюби, - выдохнул Обито, не обращая внимания на резкий вдох, вызванный откровением. Он крепче сжал ее руку. - Возможно, я смогу что-то сделать с твоим здоровьем, но мне нужно знать , что происходит."

Ее глаза метнулись в сторону, и между ними воцарилось молчание, когда Кушина погрузилась в свои мысли. Послушно терпеливо ждал, пока она не повернулась к нему с суровым взглядом. - ...Кьюби был ... - Она замолчала, прежде чем покачать головой. - ...Нет, не Кьюби, но... Но что-то не так. Не так давно, как вы знаете, я оказался в больнице—это было потому, что меня затащили в мой мысленный ландшафт."

Глаза Обито сузились, но он продолжал слушать с восхищенным вниманием. - Он был... он был ранен, избит. Уровень его чакры был низким, и ... - Кушина облизала губы, переводя взгляд на живот. - ...Он был свободен."

Глаза ворона взлетели выше линии его волос, чувствуя полный страх и беспокойство, которых он не чувствовал годами . - ...Свободен ?"

-Да, - красноголовый кивнул. - Но он... он не нападал. Он казался почти ... удивленным? И самое главное, он был странным ... - она нахмурила брови, потревожив нижнюю губу. - ...Без ненависти."

Страх, который Обито почувствовал, тут же рассеялся, когда в его голове сформировалась мысль. Идея. Это было невозможно, это должно было быть так, но что еще могло объяснить это? К сожалению, у него было слишком мало информации о ситуации, чтобы сделать точную догадку, но...

Он кивнул, моргая, когда его глаза стали кроваво-красными, и мир вокруг, казалось, замедлился. Он нуждался в ответах, нуждался в них как можно скорее, и для этого, ну... он должен был поговорить с самим Кьюби.

Кушина ахнула, когда увидела глаза Учихи, сжимая собственную руку вокруг руки Обито. - Это... правда ... - ворон слегка улыбнулся, когда она обхватила его щеку, в ее взгляде читались беспокойство и печаль. - Обито... что случилось?"

Учиха покачал головой. - Позже, Кушина-Нии-сан. Затем он встретился с ней взглядом.

И все потемнело.

Когда Обито открыл глаза, он не удивился, обнаружив себя в своей 31-летней форме, стоящим в темной бездне, по колено в неподвижной воде.

По крайней мере, на мгновение. Почти сразу же, как только он почувствовал это—злое присутствие, каким бы подавленным оно ни было—оно внезапно вспыхнуло, волны мощной чакры хлестнули его, заставляя его усилить свои чувства, когда он прыгнул через поверхность воды, чтобы уклониться от раковых лезвий. Отойдя на достаточное расстояние, он повернулся лицом к источнику, и его встретили узкие зрачки в кроваво-красных глазах. Оранжевый мех, спутанный кровью, выделялся в темноте бездны ярким маяком, чакра, вызванная яростью, кружилась вокруг тела зверя, как плащ.

Это был Кьюби.

- Ты, - тихо произнесла большая лиса, и глаза ее вспыхнули ненавистью и гневом. Несмотря на то, что он был ранен, он был не менее внушительной силой, чем во время четвертой войны, и его полное отвращение к Ворону было ощутимо—Обито чувствовал желание зверя ворваться и убить его. И все же лис не сдвинулся со своего места, вместо этого уставившись на Учиху самым мощным взглядом. - Ты смеешь показывать мне свое лицо, свинья! Ты, подонок Учиха!"

Обито кивнул. - Кьюби. Затем он обратил свое внимание на окружающую обстановку, ища знакомое лицо женщины, в чьем сознании он находился.

- Как ты смеешь приходить сюда? Как ты посмел прийти сюда со своими грязными амбициями и недостойными целями!"Кьюби взревел, когда его волны чакры вызвали бурю в воде, его хвосты рвали воздух в безумных движениях. - И все же, даже после смерти, ты все еще стоишь на пути!"

Обито, убедившись, что Кушина не присутствует и находится под светом Гэндзюцу, который он поместил, повернулся к зверю с мрачной улыбкой. Он был встречен рычанием, обещающим сильную боль и страдания.

- Итак... - Учиха начал разговор. - Ты тоже пришел в прошлое, да?"

<http://tl.rulate.ru/book/28530/602251>